

Почтальон

Улыбнувшись, я смотрю прямо в глаза таможеннику. Тот отвечает мутноватым взглядом из-под выщипанных бровей и подходит ко мне.

— Документы.

Я протягиваю ему карточку.

— Мистер Пол Стродомский?

— Поул. Поул Стродомски, к вашим услугам, — жизнерадостно поправляю я.

Таможенники не меняются. Они никогда не высыпаются как следует, никогда не понимают шуток и никогда не произносят ваше имя правильно с первого раза. Один раз я назвался Бобом Смитом, и все равно переврали, *stupid pigs*.

— Везете ли вы какую-нибудь запрещенную информацию, мистер Стродомски? — бесцветным голосом спрашивает страж границы.

— Разумеется, нет, — вру, не моргнув глазом.

— Нам придется вас проверить, мистер Стродомски.

Почему, интересно, они всегда добавляют имя допрашиваемого в конце фразы? Боятся забыть?

— Конечно. Это же ваша работа, — изящно шучу я.

Меня ведут в отдельную комнатку с перегородками из матового стекла — таких в каждом порту тысячи. Затем туда же входят два техника с аппаратурой и мой таможенник.

Становится совсем тесно.

— Раздевайтесь, мистер Стродомски.

Я хмыкаю. Один из техников явно женского пола — на это недвусмысленно указывают небольшие выпуклости на нужных местах. Наверное, хорошенькая — под шлемом и не различишь.

Пока я разоблачаюсь, они проверяют мой кейс. Там, впрочем, они могли бы и не искать — две смены белья, запасные очки и папка с документами. Все идеально "чистое", даже деловые письма длиной не более разрешенных тысячи восьмисот знаков. С датами с точностью до секунды — не придерешься.

Есть много способов провозить контрабандную информацию, и почти все из них смертельны для контрабандиста. Сначала, давным-давно носители информации зашивали в одежду или глотали, как в старых довоенных фильмах про шпионов. Это быстро научились ловить. Затем пошли разные технологические штучки — вроде атомарной набойки. Это когда ты на идеально плоской поверхности выбиваешь ряд из разных атомов. Скажем, атом титана — нолик, а вольфрама — единица. Пара миллионов атомов — вот тебе и полноценное письмо. Но это тоже легко было обнаружить — все-таки техника у федов всегда была получше нашей.

Я никогда не доверял этим штучкам. Только своему мозгу. Лучший носитель информации — память, господи.

Одежда моя тоже оказалась "чистой", разумеется.

— А теперь вы пройдете обследование мозга, господин Стродомски. Расслабьтесь и постарайтесь ни о чем не думать.

Ну вот, начинается сложная часть. Все, надо сосредоточиться. Пора вспомнить о Лилиане. Холод электродов пронизывает мои виски, я закрываю глаза, усилием воли вызываю воспоминание и...

Как в старых довоенных фильмах — *fade out*. Помутнение. Затемнение.

Она лежит на животе и испуганно смотрит на меня, тихонько похныкивая. Я заносу руку и со всей силы протягиваю ее по спине плеткой. Она взвизгивает, а меня раздражает полный возделения и похоти смешок. Из уголка моего рта, кажется, капает слюна. Но мне все равно. Я хлещу ее еще раз — сильно, от души. И еще раз. И еще. Ее молодое тело выгибается под ударами, она кричит, и плачет, и стонет. Ее спина покрывается красной сеточкой, из особенно сильного пореза ручейком бежит кровь, стекает по спине на белую простыню. Не в силах совладать с собой, я сдираю с нее когда-то белые трусики и бросаю на девушку всей своей стокиллограммовой тяжестью. Она вздрагивает подо мной и тут же затихает, лишь тихонько всхлипывая в такт...

— Все в порядке, мистер Стродомски, вы можете идти. — лицо таможенника выражает смесь презрения и отвращения, в равных пропорциях. Взбить, но не мешать. По его лбу течет громадная капля пота. Еще бы, учитывая то, что он — что мы с ним только что видели.

Он достает печать, и прижимает ее к моей руке. Мгновение боли — и вот на запястье появляется вытянутый черный треугольник. Клин. *Clean* на английском — древнем, вымершем языке — означает "чистый". Не несущий запрещенной информации.

Он пожимает мне руку, стараясь не смотреть в глаза. Я одеваюсь и выхожу из комнатки, свет неоновых ламп бьет мне в лицо. Через пять минут бега по коридору я в лайнере. Еще через три — в туалете. Меня тошнит, как и всегда после Лилианы. Но уже можно. Уже не поймают.

Кажется, я успел рассмотреть все разводы на унитазах — еще одно словечко из прошлого — пока приступ безудержной рвоты не соизволил закончиться. К ним просто не привыкаешь — наоборот, раз за разом все хуже. Я уже старый. Еще два — нет, три раза и все, пора завязывать. Купить дом где-нибудь на островах, где тепло, и не будет мучить ревматизм. Жениться.

Черт, опять!

Ну хоть до унитаза добежать успел.

Теперь — три с половиной часа полета. Я вспоминаю сообщение, которое нужно передать. Его вообще хорошо бы вызывать из памяти раз в двадцать минут. Это значит десять раз. Девушка, короткие темные волосы, пестрая рубашка, стоит на фоне одноэтажного здания. Губы чуть покрашены, глаза подведены зеленым — модный в этом сезоне цвет. На правой руке у нее два золотых кольца, левой не видно. Говорит спокойно, слегка тянет гласные. Голос серьезный.

— *Фрэнки, послушай меня, это важно. Мой муж все знает. Я думаю, нам стоит перестать встречаться на время. Нет, я не думаю, я знаю. И не ищи меня, я сама тебя найду*, — она делает паузу, оборачивается и кидает взгляд на дом позади. — *Я скоро тебя найду, понял, Фрэнк? Скоро. Ничего не бойся. Я тебя люблю.*

Вот и вся запрещенная информация. "Нелегальная доставка личного письма", статья четырнадцатая, пункт е. Смертная казнь.

На самом деле, феда знают, что делают. Это все из-за войны. Уж слишком много информации перетекло по ту сторону баррикад. И когда мы все-таки победили, правительство было обязано принять подобный закон — о запрещении обмена

информацией в любом ее виде. *Damned stupid pigs*, простите мой английский.

Дальше было интереснее.

Полет прошел нормально. В порту меня встретил неулыбчивый молодой человек, усадил в машину и завязал мне глаза. Обычная процедура, которой стоит придерживаться, когда не в ладах с законом. Меры предосторожности.

В конце концов мы приехали, меня взяли за руку и долго водили по коридорам, пока не сняли повязку. Я оказался в небольшой комнатке, вместе со мной там были шофер, техник в комбинезоне и шлеме и мнемовизор. Старый, допотопный, размером со стенной шкаф. Он, собственно, и занимал большую часть комнаты. Меня усадили в кресло, надели шлем, и я сосредоточился на послании.

После зачистки памяти немного ноют виски, но дело того стоит — уже никто не сможет доказать, что я передавал какое-то там сообщение. И мысль о деньгах на личном счету в Сан-Билле грела мое озябшее сердце. Еще три раза и можно на покой.

Шофер выбросил меня в центре и уехал, обдав озонированным воздухом из выхлопной трубы, прежде, чем я успел снять повязку. До ночи оставалось еще часов пять, поэтому я зашел в ближайшую ночлежку, купил самый дешевый "гроб" и преспокойно заснул.

Как следует отдохнув, я пошел искать брозель. Брозель, если вы не знаете, это староанглийское слово, означающее Дом Любви и Согласия. Мне надо было обновить воспоминания о Лилиане — чем они ярче, тем достовернее и противнее, а значит таможенники их меньше времени изучают. Таможенники — они тоже люди, хоть этого сразу и не скажешь. Все мы здесь люди...

Брозель был хороший, дорогой. В другой меня с моими предпочтениями и не пустили бы. А здесь метрбордель сам открыл мне дверь, глазом не моргнув, выслушав мои требования, подsunул альбом с фотографиями жен — мол, выбирай любую, помоложе. Я полистал, нашел наиболее подходящую по типуажу, ткнул жадным, уже вспотевшим пальцем. Мне протянули несколько плеток, я выбрал самую красивую, с красной ручкой и узелками, пошел в Комнату Свиданий. Меня там уже ждали. Правда, не шестнадцатилетняя гёрлица, которую я выбрал в альбоме, а зрелая женщина лет сорока, с потрясающей фигурой, но, к сожалению, одетая... Ничего, это ненадолго...

— Поул Стродомски? Пройдемте.

— Поул Стродомски, шестьдесят семь лет. Не женат, дети не зарегистрированы, пользуется услугами платных жен, преимущественно пятнадцати-шестнадцати лет. Математик и лингвист по профессии, увлекается резьбой по металлу. Ветеран войны, закончил ее в ранге старшего сержанта третьей степени. Два ранения, ни одного смертельного. В данный момент безработен, живет на продажу изделий из стронция. Все верно, мистер Стродомски?

— Абсолютно. Но в этом нет ничего криминального. Я не вижу оснований для ареста.

— Официально — никаких оснований. Но мы думаем, Поул, что вы — почтальон.

— Кто-кто?

— Ну вот, а еще лингвист. Почтальон — это довоенное слово. По-английски *postman*.

— *Post-man*? После-человек? Человек будущего?

— Боюсь, не в вашем случае, Поул. Почтальон — человек, который доставляет людям

почту. Сообщения. Информацию.

— Какая чушь!..

— Поул, — женщина улыбается. — Мы очень давно за вами следим, у нас есть доказательства. Самое существенное из них, конечно: мы полностью прочесали вашу память, пока вы были в отключке.

— Это технически невозможно.

— Боюсь, вы слегка отстали от прогресса. Я знаю все про вас. Я могу рассказать вам, на какую тему вы защитили диссертацию.

— Это легко узнать с помощью ваших баз данных.

— Как звали вашу собаку.

— Вы допросили моего друга детства.

— Где была ваша любимая родинка на теле Майи.

В горле у меня пересохло. Они блефуют. Нет ни одного шанса, что они сумели допросить мою Майю. Мертвые не говорят.

— Помните, Поул? Если провести рукой по ее лопатке вниз, вскоре наткнешься на небольшой шрамик. На три пальца левее будет...

— Хватит.

— Вы сломались Поул? — чертова ее усмешка! — я вас раскусила. Прямо как в старых довоенных фильмах.

Вот тут она меня разозлила. Проняла до глубины души. И первым делом я успокаиваюсь. Совсем. Разум мой очищается от лишних мыслей и волнений, чувства уступают место холодной логике.

— Чего же вы от меня хотите, миссис фэд? Распыляйте меня, и дело с концом. Зачем допрашиваете?

— Во-первых, мисс, Поул. А во-вторых, мы хотим с вами договориться.

Ага, обычная вербовка. Ха! Я воробей стреляный, меня без труда из пруда не вытащишь. Это довоенная поговорка, если вы не в курсе. Я скользок и верток, как угорь на сковороде. Для начала, разведаем, что же ей, собственно, нужно.

— А что же вам, собственно, нужно?

— Нам нужны, мистер Стродомски, ваши клиенты. Скажите, где их искать, и можете идти. Мы даже не аннулируем ваши финансы.

— Но, позвольте, зачем вам они? — я обескуражен. — Это же просто личное письмо, насколько мне известно. Я-то его не помню, но вы, конечно, его видели.

— Посмотрите, Поул, — из стены выезжает экран. На картинке девушка, волосы темные, губы накрашены. Цвет глаз не разобрать. На руке два колечка. Говорит медленно, отчетливо:

— *Фрэнки, послушай меня, это важно. Мой муж все знает. Я думаю, нам стоит перестать встречаться на время. Нет, я не думаю, я знаю. И не ищи меня, я сама тебя найду,* — она прерывается и пугливо смотрит по сторонам, как будто кого-то ждет. — *Я скоро тебя найду, понял, Фрэнк? Скоро. Ничего не бойся. Я тебя люблю.*

Запись прерывается, я в недоумении.

— Ну и что?

— Это код, Поул. Смотрите, — по экрану бегут какие-то красные цифири, которые складываются в два многозначных числа. — Номер банковского счета и пароль. Через вас мятежники передавали друг другу деньги. Большие деньги, мы проверили. И наша задача,

Поул, найти мятежников и обезопасить граждан.
Blah-blah-blah, простите мой английский.

В конце концов я продался им с потрохами. Не потому, разумеется, что струсил, нет. Потому, что если я действительно доставил сообщение террористов, получается, я предал собственную страну. За которую, заметьте, воевал и дважды был ранен. В голень и под лопатку.

Я рассказал им все. Дал "срисовать" шофера, его машину, ее номер, который сидел на задворках моей памяти. Шум на улице. Количество поворотов и шагов. Все то, что человек запоминает не сознательно, а инстинктивно, случайно. Без моего согласия они и пятой части информации не смогли бы достать — я ее просто не помнил.

Первое, что я сделал, как вышел на свободу — побежал в банк. Там, подойдя к клеркомату, я набрал номер счета и пароль, которые я подсмотрел у фэдши. Я же говорил, у меня отличная память.

Через несколько секунд все деньги уже были на другом, уже моем счету, а мой карман согревала карточка с номером и паролем. Затем я погулял пару часов по городу, зашел в пару полезных местечек, потом поймал такси и умчался в порт.

Взяли меня уже на подходе к лайнеру.

То же здание, тот же стол, та же женщина.

— Где деньги, мистер Стродомски?

— Наверное, в банке, мисс?..

— Где деньги, Поул? Вы сняли с засекреченного счета кругленькую сумму. Мы отследили вас до банка, затем вы куда-то дели все деньги, в порту у вас их уже не было. Где они?

— Что деньги? Тлен, тщета и пустота! — цитирую я поэта из школьного учебника.

— Не виляйте, отвечайте прямо! — она злится и нервничает. Идиллия. Именно так я себе представляю супружескую жизнь.

— Знаете что, мисс *ment*? — ввинчиваю в разговор английское словечно, означающее психа, ментально ненормального человека. — Если вы что-то потеряли, это не мои проблемы. В банке я достал денег на обратный билет, потом прошелся по магазинам. Хотите — подключайте меня к полиграфу, хотите — штудируйте мою память вдоль и поперек, мне наплевать! Я чист перед законом, Господом и вами. Я — клин.

Да, именно это я ей и говорю. Она в ответ молчит, крыть ей нечем. Свою память я старательно вычистил в одном малолегальном заведении, после чего действительно зашел в банк и прошелся по магазинам. Придаться тут не к чему.

— Хорошо, вы можете идти. Но знайте, мы следим за вами.

— Договорились, *my sweet lollipop*, — хамлю я ей так, чтобы никто не понял, и выхожу. Очень, очень быстро.

В порту я опять испытываю всю сладость общения с сонными таможенниками. На этот раз меня загоняют не в обычную тесную кабинку, а в целую комнату, заполненную аппаратурой. Проверяют со всей тщательностью. Разбирают личные вещи на молекулы. Просвечивают двадцатью разными рентгенами. Ковыряются в моей памяти, выуживая оттуда куски, которые я давно считал утерянными. Вся моя жизнь буквально проходит у них перед глазами. Я, чтобы подпортить им настроение, вспоминаю всех Лилиан, которые были, совмещая их в гротескную и сомнамбулическую оргию. Меня тошнит прямо на их

мнемовизор. Нам всем крайне весело.

Через четыре часа меня отпускают. Черный треугольник на запястье жжет руку. Я свободен, словно птица в небесах.

На мне надета цветастая гавайская рубашка, которую сегодня сделали по моему спецзаказу. На ней вышиты большие красные цифры всех форм и размеров.